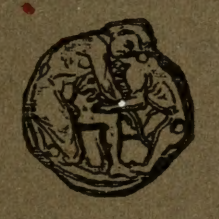
ЧТО ТАКОЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИѲЫ"

IWANOFF-RASUMNIK

VON DEN INTELLEKTUELLEN

VERLAG „SKYTHEN“ / BERLIN

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ

ЧТО ТАКОЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИѲЫ" / БЕРЛИНЪ

Что такое интеллигенція?

I.

„Интеллигенція есть органъ сознанія общественнаго организма“ — такъ въ добрыя, старыя времена опредѣляла значеніе интеллигенціи такъ называемая органическая теорія общества, въ настоящее время окончательно опровергнутая; тѣмъ не менѣе мы всецѣло принимаемъ такое опредѣленіе, обращая однако вниманіе не на его неудачную форму, а на его глубокій внутренній смыслъ. Исторія русской интеллигенціи есть исторія русскаго сознанія именно потому, что первая является носительницей второго. Глубоко правъ по существу дѣла былъ И. Аксаковъ, опредѣлявшій интеллигенцію, какъ „самосознающій народъ“ и указывавшій, что интеллигенція „не есть ни сословіе, ни цехъ (мы бы прибавили теперь: ни классъ), ни корпорація, ни кружокъ . . . Это даже не собраніе, а совокупность живыхъ силъ, выдѣляемыхъ изъ себя народомъ“. . .

Интеллигенція есть органъ народнаго сознанія, интеллигенція есть совокупность живыхъ силъ народа... Мы принимаемъ эти опредѣленія, но въ то же самое время не можемъ не отмѣтить ихъ неопредѣленность; эти вѣрныя, но расплывчатыя формулы нуждаются въ болѣе рѣзкомъ отграниченіи и ограниченіи. Въ чемъ выражается народное сознаніе? въ чемъ сказываются живыя силы народа? — вотъ вопросы, на которые прежде всего нужно отвѣтить: необходимо органичить терминъ „интеллигенція“ вполнѣ опредѣ-

ленными рамками, отграничить его отъ сосѣднихъ понятій ясно проведенной линіей. Иначе говоря, надо прежде всего найти основные признаки опредѣляемаго нами понятія.

Первымъ и главнымъ изъ этихъ признаковъ является слѣдующій: интеллигенція есть прежде всего опредѣленная общественная группа; этотъ признакъ даетъ возможность установить исходный пунктъ предлагаемой работы, и, въ связи съ послѣдующими признаками, опредѣлить время зарожденія русской интеллигенціи, точку начала ея исторіи. Этотъ признакъ указываетъ на существенное различіе между отдѣльными „интеллигентами“ и интеллигенцій, какъ группой. Отдѣльные „интеллигенты“ существовали всегда, интеллигенція появилась только при органическомъ соединеніи отдѣльныхъ интеллигентовъ въ цѣльную, единую группу. Люди, характеризумые опредѣленной суммой выработанныхъ трудомъ знаній или опредѣленнымъ отношеніемъ къ основнымъ этико-соціологическимъ вопросамъ, всегда существовали и всегда будутъ существовать, но они еще не образуютъ собою интеллигенціи, какъ группы. Такъ, напримѣръ, отдѣльными русскими „интеллигентами“ были въ XVI вѣкѣ князь Курбскій, Иванъ Грозный, Феодосій Косой, этотъ типичный русскій анархистъ; въ XVII вѣкѣ — Матвѣевъ, Котошихинъ, Хворостиновъ; въ началѣ XVIII — Петръ I, Татищевъ, Ломоносовъ и т. п.; однако ни въ шестнадцатомъ, ни въ семнадцатомъ, ни въ восемнадцатомъ вѣкѣ въ Россіи не было интеллигенціи. Точно такъ же и въ настоящее время могутъ быть отдѣльные „интеллигенты“, обладающіе высокой суммой выработанныхъ трудомъ знаній, но не входящіе въ группу интеллигенціи; мы увидимъ ниже, что ученѣйшій академикъ и профессоръ можетъ не принадлежать къ интеллигенціи въ принимаемомъ нами смыслѣ этого слова; по вѣрному замѣчанію Лаврова, терминъ „интеллигенція“ отнюдь не связанъ съ понятіями о какихъ бы то ни было профессіяхъ. Къ

группѣ интеллигенціи можетъ принадлежать полуграмотный крестьянинъ, и никакой университетскій дипломъ не даетъ еще права его обладателю причислять себя къ интеллигенціи. Ниже мы еще остановимся на этомъ вопросѣ, а теперь прослѣдимъ дальше, каковы слѣдующіе основные признаки изслѣдуемаго нами понятія.

Итакъ, интеллигенція есть опредѣленная общественная группа; это условіе необходимое, но еще недостаточное для характеристики понятія „интеллигенція“. Подобно тому, какъ всегда существовали отдѣльные „интеллигенты“, также точно всегда существовали и тѣсно сплоченныя группы наиболѣе образованныхъ людей своего времени, объединенныя или солидарностью программъ, или солидарностью дѣйствій. Такъ, напримѣръ, въ Россіи въ XV вѣкѣ были группы „интеллигентовъ“ своего времени, объединенныя съ одной стороны вокругъ Нила Сорскаго, съ другой — вокругъ Іосифа Волоцкаго; всѣ религіозныя разнорѣчія послѣдующихъ вѣковъ русской жизни всегда концентрировались въ тѣхъ или иныхъ группахъ, объединенныхъ той или иной идеей. Такимъ же образомъ и политическія разногласія дифференцировали русскихъ людей на отдѣльныя группы; такъ, напримѣръ, уже съ XV вѣка начинается ясно выраженное западническое теченіе въ опредѣленной группѣ „интеллигентовъ“; такъ, мы имѣмъ партію приверженцевъ Максима Грека; въ началѣ XVII вѣка видимъ такъ называемую польскую партію среди бояръ (Салтыковы), далѣе, имѣемъ кіевскую школу, наконецъ въ началѣ XVIII вѣка видимъ группу шляхетства и кружокъ Татищева. Но, однако, не смотря на все это, мы не можемъ начать исторію русской интеллигенціи, какъ группы, ни съ Нила Сорскаго, ни съ Ломоносова, ни съ Татищева, ни съ Петра Могилы: всѣ эти отдѣльныя, разрозненныя группы не связаны другъ съ другомъ тѣсной преемственностью — ни логической, ни хронологической; это отдѣльные эпизоды, крайне важные

для исторіи русской культуры, но не имѣющіе отношенія къ исторіи русской интеллигенціи.

Итакъ, вотъ второй основной признакъ интеллигенціи — преемственность; интеллигенція есть группа преемственная, или, говоря математически, она есть функція непрерывная. Такая группа русской интеллигенціи существуетъ съ середины XVIII вѣка; съ тѣхъ поръ, со временъ Новикова, Фонвизина и Радищева, русская интеллигенція живетъ уже полтораста лѣтъ; она растетъ, развивается, она иногда дѣлится на подгруппы, но ея развитіе непрерывно, она какъ группа — преемственна. Одна общая идея (какая — мы увидимъ ниже) связываетъ эту группу въ непрерывное цѣлое; кромѣ того, независимо отъ этой общей идеи русскую интеллигенцію съ середины XVIII вѣка связываетъ общее дѣйствіе — борьба за освобожденіе. Эта вѣковая, эпическая борьба спаяла русскую ннтеллигенцію въ одну массу съ невѣроятной силой сопротивленія; эта борьба закалила русскую интеллигенцію, какъ огонь закаливаетъ сталь; эта борьба выковала изъ русской интеллигенціи такое оружіе, какого нѣтъ и не можетъ быть въ иныхъ странахъ, у другихъ народовъ.

Опредѣливъ интеллигенцію, какъ преемственную группу, мы этимъ самымъ поставили историческіе предѣлы нашему изслѣдованію: исторія русской интеллигенціи ведетъ свое начало отъ группы, впервые поставившей своимъ девизомъ борьбу за народное освобожденіе; вторая половина XVIII вѣка послужила только предисловіемъ къ этой исторіи, которую лишь XIX вѣкъ развернулъ во всей ея широтѣ. Мы можемъ указать еще на два характерныхъ признака русской интеллигенціи: это ея внѣсословность и внѣклассовость.

Эти два признака, между прочимъ, уже окончательно отдѣляютъ преемственную группу интеллигенціи отъ существовавшихъ ранѣе религіозныхъ или политическихъ общественныхъ группъ въ Россіи: всѣ

эти группы были или сословными, или классовыми. Впервые интеллигенція XVIII вѣка сумѣла отречься отъ классовыхъ идеаловъ и тѣмъ самымъ, будучи сословной по составу, оказаться внѣсословной по намѣченнымъ цѣлямъ. Группа общественныхъ дѣятелей съ Новиковымъ во главѣ и съ Радищевымъ въ видѣ эпилога, бывшая зерномъ русской интеллигенціи, была по своему составу дворянско-землевладѣльческой, т. е. сословно-классовой; однако классовые, т. е. въ данномъ случаѣ землевладѣльческіе, интересы приносились этой группой въ жертву общему идеалу; сословныя цѣли выбрасывались за бортъ міровоззрѣнія. Будучи въ это время сословной и классовой по составу, русская интеллигенція въ то же время была глубоко внѣклассовой и внѣсословной по намѣченнымъ задачамъ, по исповѣдуемымъ идеаламъ*). Въ началѣ XIX вѣка русская интеллигенція была еще болѣе рѣзко-сословной по составу, но въ то же самое время она еще рѣзче порывала всякія связи со своими сословными интересами; недаромъ 14-го декабря 1825 года родовые русскіе аристократы и крупные землевладѣльцы пытались произвести такой переворотъ, который прежде всего обрушился бы ударомъ на ихъ же классъ, на ихъ же сословіе. Послѣ 1825 года русская интеллигенція остается сословной по составу и внѣсословной по цѣлямъ и задачамъ; однако съ этихъ поръ сословный составъ интеллигенціи становится правиломъ съ исключеніями, и притомъ съ такими исключеніями, какъ Полевой, Надеждинъ и Бѣлинскій. Правда, „одна ласточка не дѣлаетъ весны", но она предвѣщаетъ ее; въ шестидесятыхъ годахъ огромной толпой „пришелъ разночинецъ",

*) Конечно, эта „сословность" не могла не отразиться на міровоззрѣніи; разумѣется, вліяніе класса не могло не сказаться на взглядахъ самыхъ передовыхъ людей; но дѣло не въ частностяхъ міровоззрѣнія, а въ общей его тенденціи, а съ этой точки зрѣнія даже ярко сословно-классовые декабристы были дѣйствительно внѣклассовы и внѣсословны.

пришелъ и сталъ въ первыхъ рядахъ русской интеллигенціи. Съ этихъ поръ русская интеллигенція становится внѣсословной и внѣклассовой не только по задачамъ, цѣлямъ, идеаламъ, но и по своему составу; въ это же время — и это, конечно, не случайное совпаденіе — возникаетъ и самый терминъ „интеллигенція“ въ современномъ смыслѣ этого слова.

Интеллигенція есть внѣклассовая, внѣсословная, преемственная группа — этими четырьмя формальными признаками опредѣляется строеніе организма интеллигенціи, обозначается граница съ сосѣдними понятіями. Но тутъ же надо подчеркнуть, что всѣ эти четыре признака вмѣстѣ взятые составляютъ только необходимое, но отнюдь не достаточное условіе, опредѣляющее интеллигенцію. Мы увидимъ нѣсколько ниже, что существуетъ еще одна группа, характеризуемая также преемственностью, внѣклассовостью и внѣсословностью, но въ то же время діаметрально противоположная интеллигенціи; нѣсколькими страницами ниже мы опредѣлимъ эту группу условнымъ терминомъ „мѣщанства“, соединяя этимъ терминомъ въ одну преемственную группу людей внѣ сословій и внѣ классовъ по ихъ этическому уровню, по отсутствію въ нихъ яркой индивидуальности, по узости и плоскости ихъ міровоззрѣнія. Теперь намъ достаточно только въ самыхъ общихъ чертахъ указать на то, что если соціологически интеллигенція есть преемственная, внѣсословная, внѣклассовая группа, то этически она есть прежде всего группа анти-мѣщанская. Впервые эту мысль высказалъ въ русской литературѣ Лавровъ; въ виду того, что онъ же первый опредѣлилъ и понятіе „интеллигенціи“, мы нѣсколько подробнѣе остановимся на этомъ, въ общемъ вполнѣ вѣрномъ, рѣшеніи Лаврова.

Лавровъ не употребляетъ термина „интеллигенція“, но вкладываетъ то же самое понятіе въ столь

осмѣянное съ тѣхъ поръ и столь невѣрно понятое выраженіе — „критически мыслящія личности". Принято почему то предполагать, что „критически мыслящая личность" это — „герой", вождь толпы, дѣятель, творящій исторію по собственному вкусу и желанію, направляющій ея ходъ по принципу: „car telle est notre bonne volonté"... Ничто не можетъ быть ошибочнѣе подобнаго пониманія, такъ какъ терминологія Лаврова имѣетъ только въ виду необходимость яснаго ограниченія и даже съуженія расплывчатаго термина „интеллигенція". Подъ интеллигенціей, вообще говоря, готовы понимать, какъ это мы уже указывали выше, сумму лицъ, характеризуемыхъ опредѣленнымъ уровнемъ знанія: отожествляютъ всякаго „образованнаго" человѣка съ представителемъ интеллигенціи, забывая, что никакіе дипломы не сдѣлаютъ еще сами по себѣ „образованнаго" человѣка „интеллигентнымъ". Еще чаще готовы понимать подъ интеллигенціей всю „цивилизованную" или всю „культурную" часть общества, въ то время, какъ культурность, подобно образованности, есть только внѣшній формальный признакъ, не опредѣляющій внутреннее содержаніе. Это Лавровъ подчеркивалъ особенно настойчиво, проводя рѣзкую демаркаціонную линію между культурой и цивилизаціей. Мы вкратцѣ напомнимъ читателямъ эту теорію, изложенную Лавровымъ въ его знаменитыхъ „Историческихъ письмахъ".

Не всякій говорящій „Господи! Господи!" войдетъ въ царство небесное; не всякій „культурный" человѣкъ войдетъ въ группу критически мыслящихъ личностей, т. е. въ группу интеллигенціи. Культура, говоритъ Лавровъ, это — „зоологическій элементъ въ жизни человѣчества", и только критическая работа мысли на почвѣ культуры обусловливаетъ собою цивилизацію: „какъ только работа мысли на почвѣ культуры обусловила общественную жизнь требованіями науки, искусства, нравственности, то культура перешла въ

цивилизацію и человѣческая исторія началась". Но многое изъ того, что для предыдущаго поколѣнія является результатомъ труда критической мысли, для послѣдующаго поколѣнія оказывается уже привычнымъ „зоологическимъ элементомъ"; такимъ образомъ „часть цивилизаціи отцовъ въ формѣ привычекъ и преданій составляетъ не что иное, какъ зоологическій культурный элементъ въ жизни потомковъ, и надъ этою привычною культурой второй формаціи должна критически работать мысль новаго поколѣнія, чтобы общество не предалось застою, чтобы въ числѣ унаслѣдованныхъ привычекъ и преданій оно разглядѣло тѣ, которыя представляютъ возможность дальнѣйшей работы мысли на пути истины, красоты и справедливости, отбросило остальное, какъ отжившее, и создало новую цивилизацію, какъ новый строй культуры, оживленный работой мысли" . . . И такъ повторяется въ каждомъ поколѣніи; въ такомъ послѣдовательномъ замѣщеніи культуры цивилизаціей и заключается задача прогресса. „Культура общества есть среда, данная исторіею для работы мысли... Мысль есть единственный дѣятель, сообщающій человѣческое достоинство общественной культурѣ. Исторія мысли, обусловленной культурою, въ связи съ исторіею культуры, измѣняющейся подъ вліяніемъ мысли — вотъ вся исторія цивилизаціи." . . . (Op. cit. стр. 120—124, изд. 1905 г.)

Конечно, насъ не можетъ удовлетворить подобное типично-раціоналистическое построеніе, характерное для эпохи шестидесятыхъ годовъ, не говоря уже о томъ, что устарѣлая терминологія Лаврова совершенно непріемлема. Однако, условное пониманіе вышеприведеннаго противопоставленія культуры и цивилизаціи приводитъ насъ къ совершенно незыблемому выводу — къ невозможности отождествлять „культурнаго" человѣка съ „критически мыслящей личностью": первое понятіе шире второго, и далеко не всякій „культурный" и образованный человѣкъ является пред-

ставителемъ интеллигенціи. Доказывая это, Лавровъ подчеркиваетъ, что ни одна наиболѣе „культурная“ профессія не даетъ еще патента на „интеллигентность“. „... Профессора и академики“ — говоритъ Лавровъ — „сами по себѣ, какъ таковые, не имѣли и не имѣютъ ни малѣйшаго права причислять себя къ „интеллигенціи“ ... Иной авторъ многочисленныхъ ученыхъ трудовъ можетъ оставаться фетишистомъ культурнаго быта, тогда какъ далеко выше его въ этой интеллигенціи стоитъ какой-нибудь полуграмотный ремесленникъ, работающій въ немногіе часы досуга надъ своимъ развитіемъ ... Ни многочисленные экзамены, ни оффиціальные дипломы не даютъ ей (русской молодежи) еще права считать себя принадлежащей къ интеллигенціи, которая воплощаетъ русскую идейную жизнь ... Лишь по недоразумѣнію можно отнести къ арміи интеллигенціи служителей культурныхъ фетишей“ ... („Изъ рукописей 90-хъ годовъ“). Иначе говоря, Лавровъ исключаетъ изъ группы критически мыслящихъ личностей культурныхъ мѣщанъ, которымъ онъ даетъ характерное наименованіе „дикарей высшей культуры“. Эти дикари высшей культуры образуютъ громадное большинство образованнаго общества, они встрѣчаются всюду, на каждомъ шагу: „они располагаютъ капиталами, они образуютъ главную долю общественнаго мнѣнія, они составляютъ большинство въ коллективныхъ управленіяхъ и въ законодательныхъ собраніяхъ, они руководятъ не малой долей прессы, они имѣютъ мѣста и на каѳедрахъ университетовъ, и въ ученыхъ обществахъ, и въ академіяхъ“ ... Нѣсколько ниже, когда мы подробнѣе формулируемъ наше пониманіе „мѣщанства“, мы увидимъ, что все предыдущее даетъ слѣдующій отрицательный признакъ опредѣляемаго нами понятія: въ группу интеллигенціи не входятъ этическіе мѣщане. Это отрицательное опредѣленіе производитъ отграниченіе и ограниченіе понятія интеллигенціи.

Въ концѣ концовъ мы пришли къ слѣдующему результату: интеллигенція, опредѣляемая соціологически, какъ внѣсословная, внѣклассовая, преемственная группа, характеризуется этически, какъ группа антимѣщанская. Однако и это опредѣленіе оказывается недостаточнымъ, какъ построенное на отрицательномъ признакѣ. Попробуемъ выяснить положительные признаки внутренняго содержанія этого понятія. Очевидно, что здѣсь однихъ формальныхъ признаковъ окажется недостаточно, ибо нѣтъ никакихъ формальныхъ признаковъ, позволяющихъ отличить прогрессивное отъ реакціоннаго. Здѣсь мы снова возвращаемся къ Лаврову, такъ какъ доказательству только-что формулированной мысли посвящено девятое изъ „Историческихъ писемъ" Лаврова, и такъ какъ мысль эта всецѣло приложима къ поставленной нами проблемѣ интеллигенціи.*) Мы попытаемся однако нѣсколько ниже вскрыть содержаніе исторіи русской интеллигенціи, а теперь становимся только на формальныхъ признакахъ этого содержанія. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ Лавровымъ.

Казалось бы, что самъ Лавровъ далъ выше вполнѣ опредѣленную формулу, позволяющую сразу указать на вполнѣ опредѣленный признакъ, характеризующій интеллигенцію: „культурный" человѣкъ, перерабатывающій орудіемъ мысли старую культуру въ новую цивилизацію, является критически мыслящей личностью; такимъ образомъ творчество мысли являлось бы характернымъ положительнымъ при-

*) „Если допустить — замѣчаетъ Лавровъ — что прогрессъ заключается именно въ развитіи личности и въ воплощеніи истины и справедливости въ общественныя формы, то вопросъ ... о признакахъ прогрессивной и реакціонной партіи рѣшить уже гораздо труднѣе, такъ какъ внѣшнихъ, отличительныхъ признаковъ для нихъ вовсе не оказывается"... Въ другомъ мѣстѣ Лавровъ указываетъ, что „никакое слово не имѣло за собою привилегіи прогресса; онъ не втиснулся ни въ одну формальную рамку. Ищите за словомъ его содержаніе. Изучайте условія даннаго времени и данной общественной формы".

знакомъ. Но это не такъ, или, вѣрнѣе, не совсѣмъ такъ, и самъ Лавровъ неоднократно подчеркивалъ, что творчество — необходимое, но не достаточное условіе, характеризующее принадлежность къ группѣ интеллигенціи (см. пятое изъ его „Историческихъ писемъ"). По совершенно вѣрному указанію Лаврова, литература, искусство, наука — эти главныя области творчества — „не заключаютъ и не обусловливаютъ сами по себѣ прогресса. Они доставляютъ лишь для него орудія. Они накопляютъ для него силы. Но лишь тотъ литераторъ, художникъ или ученый дѣйствительно служитъ прогрессу, который сдѣлалъ все, что могъ, для приложенія силъ, имъ пріобрѣтенныхъ, къ распространенію и укрѣпленію цивилизаціи своего времени; кто боролся со зломъ, воплощалъ свои художественные идеалы, научныя истины, философскія идеи, публицистическія стремленія въ произведенія, жившія полною жизнью его времени, и въ дѣйствія, строго соотвѣтственныя количеству его силъ"... Иными словами: для интеллигенціи характеренъ не актъ **творчества** самого по себѣ, но главнымъ образомъ **направленіе** этого творчества и **активность** въ достиженіи; сами же по себѣ ни наука, ни искусство „не составляютъ прогрессивнаго процесса...; ни талантъ, ни знаніе не дѣлаютъ еще сами по себѣ, человѣка двигателемъ прогресса"... Итакъ, основнымъ, положительнымъ признакомъ критически мыслящихъ личностей является, по Лаврову, творчество новыхъ формъ и идеаловъ, но творчество, направленное къ опредѣленной цѣли и активное въ достиженіи ея. Цѣлью творчества является претвореніе историческаго процесса въ прогрессъ, который опредѣлялся Лавровымъ, какъ физическое, умственное и нравственное развитіе личности, при воплощеніи истины и справедливости въ общественныя формы. Согласно этому опредѣленію, критически мыслящія личности характеризуются творчествомъ и активнымъ проведеніемъ въ жизнь новыхъ формъ и

идеаловъ, направленныхъ къ самоосвобожденію личности.

Конечно, мы не предлагаемъ принять теорію Лаврова во всей ея полнотѣ. Та вѣра во всемогущество критически мыслящихъ личностей, которая лежала въ основаніи теоріи Лаврова, вѣра во всесиліе интеллигенціи, представляется теперь совершенно непріемлемой: однако мы еще болѣе далеки отъ того великолѣпнаго презрѣнія, съ которымъ еще такъ недавно многіе относились къ внѣклассовой и внѣсословной интеллигенціи, ad majorem gloriam классовой идеологіи, при чемъ въ презрѣніи этомъ характернѣе всего было то, что всѣ эти классовые идеологи въ большинствѣ случаевъ сами были представителями той же внѣклассовой и внѣсословной интеллигенціи... Если допустить, что старое народничество и переоцѣнивало значеніе интеллигенціи, то русскій ортодоксальный марксизмъ сводилъ его на нѣтъ; давно пора вернуться къ правильной оцѣнкѣ собственныхъ силъ и собственнаго значенія. Разумѣется, это не призывъ „назадъ къ Лаврову!“; всякіе подобные призывы представляются намъ вполнѣ неумѣстными. Лавровъ — давно пройденная ступень русскаго самосознанія, но, не возвращаясь назадъ къ нему, мы можемъ идти по многимъ направленіямъ впередъ отъ него. Такъ слѣдуетъ поступить и въ вопросѣ объ интеллигенціи; давно пора признать, и признать категорически, высокую этическую цѣнность и неоспоримый, хотя и не непосредственный, соціологическій вѣсъ за этой лучшей и высшей частью русскаго культурнаго общества. Теорія всесилія интеллигенціи, конечно, не воскреснетъ, но это не мѣшаетъ намъ признать, что только во внѣсословной, внѣклассовой (соціологически) и анти-мѣщанской (этически) интеллигенціи происходитъ творчество новыхъ формъ и идеаловъ, активно проводимыхъ къ цѣли физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія и самоосвобожденія личности. И какъ бы ни былъ малъ абсолютный соціологическій

вѣсъ интеллигенціи, но въ ея творчествѣ, въ ея идеалахъ — жизненный нервъ народа, ибо интеллигенція есть дѣйствительно органъ народнаго сознанія и совокупность живыхъ силъ народа. Пусть даже соціологически интеллигенція невѣсома, но безъ ея творчества, безъ ея идеаловъ всякое „культурное“ общество, всякій могущественный классъ обращается въ толпу „мѣщанъ“...

Итакъ, на вопросъ, „что такое интеллигенція?“ мы можемъ дать теперь слѣдующій отвѣтъ: интеллигенція есть этически — анти-мѣщанская, соціологически — внѣсословная, внѣклассовая, преемственная группа, характеризуемая творчествомъ новыхъ формъ и идеаловъ и активнымъ проведеніемъ ихъ въ жизнь въ направленіи къ физическому и умственному, общественному и личному освобожденію личности*).

Опредѣленіе это количественно значительно суживаетъ группу интеллигенціи, но качественно значительно повышаетъ ея цѣнность. Но именно это и желательно, такъ какъ чрезмѣрное расширеніе понятія „интеллигенціи“, внесеніе въ нее всѣхъ людей съ условной суммой знаній значительно понижало этическую цѣнность интеллигенціи. Принципъ „non multa, sed multum“ вполнѣ приложимъ и къ данному случаю.

Однако, данное выше опредѣленіе интеллигенціи далеко еще не можетъ считаться окончательнымъ; намъ надо точнѣе опредѣлить, въ чемъ состоитъ творчество, чѣмъ характеризуется активность и что опредѣляетъ собою направленіе работы интеллигенціи. Творчество русской интеллигенціи состояло въ ея борьбѣ за „индивидуальность“, за широту, глубину и яркость человѣческаго „я“, активность ея характеризовалась борьбой за личность, борьбой политической

*) Подробное развитіе этого взгляда на интеллигенцію, намѣченнаго здѣсь лишь въ общихъ чертахъ, читатель найдетъ въ нашей книгѣ „Объ интеллигенціи“.

и соціальной, направленіе активнаго творчества опредѣлялось принципомъ „человѣка — цѣли".

II.

Внѣсословная, внѣклассовая, преемственная группа — таковы четыре формальныхъ признака понятія „интеллигенціи", сказали мы выше; одинъ изъ этихъ признаковъ, преемственность, дѣлаетъ возможною исторію этой группы, исторію русской интеллигенціи.

Исторія русской интеллигенціи — это полуторастолѣтній мартирологъ, это исторія этической борьбы, исторія мученичества и героизма...

Философія исторіи русской интеллигенціи есть въ то же время отчасти и философія русской литератры. Литература есть тотъ фокусъ, въ которомъ собирается безконечное количество лучей, преломленныхъ жизнью. Русская литература въ этомъ отношеніи сыграла совершенно особую, неизмѣримую по значенію роль: условія русской жизни, жизни русской интеллигенціи, складывались такъ, что только въ одной литературѣ горѣлъ огонь, насильно погашенный въ сѣрой и слякотной общественной жизни русской интеллигенціи; только въ одной литературѣ Бѣлинскій видѣлъ жизнь и движеніе впередъ. Отсюда громадное этическое значеніе русской литературы, ея столь ненавистное многимъ „учительство"; отсюда строгое и требовательное отношеніе къ ней, чуждое всякихъ компромиссовъ, далекое отъ малѣйшихъ уступокъ. Все что преломляла и отражала жизнь, вся любовь и вся ненависть — все горѣло яркимъ огнемъ въ русской литературѣ; общественная ненависть, политическая борьба, глубокіе этическіе запросы — ничто не было ей чуждо. Русская литература — Евангеліе русской интеллигенціи; для исторіи русской интеллигенціи Пушкинъ или Чеховъ имѣютъ не меньшее значеніе, чѣмъ Пестель или Бакунинъ.

Внѣклассовая преемственная группа русской интеллигенціи часто раскалывалась, разъединялась на нѣсколько подгруппъ, изъ которыхъ каждая шла своей дорогой...

Но гдѣ критеріумъ, позволяющій опредѣлить большую дорогу исторіи русской интеллигенціи? Гдѣ та Аріаднина нить, которая позволитъ намъ увѣренно двигаться въ лабиринтѣ общественно-литературныхъ теченій?

Въ исторіи, какъ и въ физикѣ, изучая тотъ или иной процессъ, необходимо настолько же тщательно изучить и среду, его окружащую. Изучая процессъ развитія идей, мы должны обращать вниманіе на факты; изучая ходъ развитія русской интеллигенціи, мы должны изучить и ту среду, въ борьбѣ съ которой это развитіе совершалось. Вѣдь въ сущности процессъ и среда обозначаются всегда знакомъ взаимно-противоположнымъ; это полярныя величины (лица, знакомыя съ физической химіей, безъ труда узнаютъ въ этой формулировкѣ такъ называемый законъ Лешателье); а если такъ, то несомнѣнно, что центральная идея процесса развитія русской ингеллигенціи должна быть полярна доминирующему настроенію той среды, въ которой происходилъ процессъ этого развитія. Мы вполнѣ выразимъ нашу мысль, если скажемъ, что считаемъ центральной идеей этого процесса — *индивидуализмъ*, а доминирующимъ настроеніемъ среды — *мѣщанство*.

Что такое мѣщанство, то мѣщанство, которое служило фономъ процессу развитія идей русской интеллигенціи? Терминъ этотъ въ настоящее время употребляютъ часто, болѣе того, имъ злоупотребляютъ; совершенно неоспорима необходимость внесенія этого „новаго“ понятія въ нашу разговорную рѣчь, но не менѣе необходимо и точное опредѣленіе его. Характерна исторія этого термина. На рубежѣ XIX-го и XX-го вѣка терминъ „мѣщанство“ сталъ популярнымъ съ легкой руки М. Горькаго, котораго въ то

время многіе упрекали за такой непростительный каламбуръ (приданіе сословному термину внѣсословнаго этическаго значенія). Обвиненіе это было направлено не по адресу, такъ какъ на такомъ „каламбурѣ“ было построено за полвѣка до М. Горькаго, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи, цѣлое міровоззрѣніе — глубокое и стройное міровоззрѣніе Герцена.

Герценъ впервые употребилъ слово „мѣщанство“ для обозначенія комплекса явленій не сословнаго и не экономическаго, а этическаго характера; и въ настоящее время мы, минуя М. Горькаго и его немногихъ предшественниковъ (напр. П. Ткачева — см. его статьи о „мѣщанствѣ“ въ „Дѣлѣ“ въ 1868 и 1877 г.; Писемскій — см. его романъ „Мѣщане“, 1878 г.), возвращаемся прямо къ терминологіи Герцена, этого геніальнаго родоначальника народничества.

Мѣщанство, — въ смыслѣ, приданномъ ему Герценомъ — есть понятіе, характеризуемое тѣми же четырьмя формальными признаками, какъ и интеллигенція; иными словами, мѣщанство есть группа преемственная, внѣклассовая и внѣсословная. Въ этихъ признакахъ главное отличіе „мѣщанства„ отъ „буржуазіи“, типично сословной и классовой группы. Буржуазія — это прежде всего — третье сословіе; далѣе это общественный классъ, рѣзко опредѣляемый и характеризуемый, какъ экономическая категорія, понятіемъ ренты въ томъ или иномъ ея видѣ (подъ рентой, въ условно - широкомъ смыслѣ, мы понимаемъ и доходъ предпринимателей, и доходъ землевладѣльцевъ). Понятіе „мѣщанства“ неизмѣримо шире, такъ какъ внѣклассовость и внѣсословность являются его характерными признаками; однако выше мы уже произвели нѣкоторое отграниченіе и ограниченіе этого понятія: мы видѣли, что отрицательнымъ опредѣленіемъ интеллигенціи является ея анти-мѣщанство — въ группу интеллигенціи не входятъ мѣщане. Теперь мы можемъ заявить mutatis

mutandis: отрицательнымъ опредѣленіемъ группы мѣщанства является то, что интеллигенція не входитъ въ эту группу; интеллигенція и мѣщанство суть такимъ образомъ два взаимно отграничивающихъ и ограничивающихъ другъ друга понятія.

Если это такъ, то очевидно, что мѣщанство, въ противоположность интеллигенціи, должно характеризоваться отсутствіемъ творчества, отсутствіемъ активности; новые идеалы, новыя формы, активное проведеніе ихъ — все это несвойственно мѣщанству. Старыя, трафаретныя формы — вотъ что дорого мѣщанству, вотъ что является его знаменемъ. Герценъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ буржуазное мѣщанство (послѣ всего сказаннаго — это не плеоназмъ), считалъ излюбленнымъ знаменемъ мѣщанства одну изъ этихъ старыхъ формъ, именно собственность: „мѣщанство — послѣднее слово цивилизаціи, основанной на безусловномъ самодержавіи собственности“ („Колоколъ“, 1. іюля 1862 г.). Мы видимъ теперь, что это только частный случай, хотя, вообще говоря, и очень характерный; въ русской жизни и литературѣ XIX-го вѣка буржуазное мѣщанство играло только второстепенную роль, въ то время какъ мѣщанство въ другихъ его проявленіяхъ временами все подавляло и надъ всѣмъ господствовало. Поэтому мы не можемъ приписать мѣщанству какое бы то ни было опредѣленное содержаніе, а указываемъ только на формальные признаки мѣщанства; мы не можемъ поставить на знамени мѣщанства какую либо одну изъ старыхъ, трафаретныхъ формъ, такъ какъ различныя подгруппы мѣщанства и характеризуются именно различіемъ тѣхъ старыхъ формъ, которыя служатъ ихъ знаменами.

Все это не мѣшаетъ намъ, однако, составить о мѣщанствѣ вполнѣ опредѣленное понятіе, уразумѣть и почувствовать его сущность, его духъ; мы говоримъ теперь, конечно, о „мѣщанствѣ“ не какъ группѣ, а какъ о главномъ свойствѣ этой группы. Мѣщанство,

какъ понятіе объекта, и мѣщанство, какъ понятіе аттрибута, къ сожалѣнію не различаются на русскомъ языкѣ (напримѣръ такъ, какъ различаются „интеллигенція“ и „интеллигентность“), но читателю нетрудно будетъ отличать по самому смыслу рѣчи, говорится ли о мѣщанствѣ, какъ о группѣ или какъ о духовной сущности этой группы, тѣмъ болѣе, что, говоря о мѣщанствѣ въ послѣднемъ смыслѣ, мы обыкновенно будемъ опредѣлять его терминомъ „этическое мѣщанство“, въ отличіе отъ „мѣщанства“, какъ сословія — во-первыхъ, и отъ мѣщанства, какъ внѣсословной группы — во-вторыхъ.

Опредѣляя возможно широко сущность этическаго мѣщанства, мы скажемъ, что мѣщанство это — узость, плоскость и безличность, узость формы, плоскость содержанія и безличность духа; иначе говоря, не имѣя опредѣленнаго содержанія, мѣщанство характеризуется своимъ вполнѣ опредѣленнымъ отношеніемъ къ какому бы то ни было содержанію: самое глубокое оно дѣлаетъ самымъ плоскимъ, самое широкое — самымъ узкимъ, рѣзко-индивидуальное и яркое — безличнымъ и тусклымъ. „Съ мѣщанствомъ стираются личности“... замѣчаетъ Герценъ; „чинный — это настоящее слово (для характеристики мѣщанства). У мѣщанства, какъ у Молчалина, два таланта, и тѣ же самые: умѣренность и аккуратность“... („Концы и Начала“). Мѣщанство — это трафаретность, символъ вѣры мѣщанства и его завѣтнѣйшее стремленіе — это „быть, какъ всѣ“; мѣщанство, какъ группа, есть поэтому та „сплоченная посредственность“ (conglomerated mediocrity, по цитируемому Герценомъ выраженію Милля), которая всюду и всегда составляла толпу, доминирующую въ жизни...

Все предыдущее вполнѣ выясняетъ теперь, почему интеллигенція и мѣщанство, какъ группы, суть взаимно отграничивающія другъ друга понятія; болѣе того, теперь мы видимъ, что интеллигенція и

мѣщанство это двѣ силы, дѣйствующія въ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ, двѣ непримиримо враждебныя силы: мѣщанство — это та среда, въ неустанной борьбѣ съ которой происходилъ процессъ развитія русской интеллигенціи. Борьба съ мѣщанствомъ — вотъ та точка зрѣнія, съ которой мы будемъ изучать содержаніе исторіи русской интеллигенціи, процессъ ея развитія.

Но это еще только половина отвѣта на вопросъ, такъ какъ борьба съ кѣмъ-нибудь ведется всегда за что-нибудь... Опредѣляя понятіе интеллигенціи, мы уже отмѣтили, что борьба интеллигенціи состояла и состоитъ въ активномъ проведеніи въ жизнь новыхъ формъ и идеаловъ, направленныхъ къ самоосвобожденію личности. Теперь мы имѣемъ возможность подробнѣе развить эту мысль, отмѣчая, что считаемъ индивидуализмъ главнымъ содержаніемъ исторіи русской интеллигенціи, центральной идеей, аріадниной нитью ея развитія. Отъ мѣщанства мы неизбѣжно приходимъ къ индивидуализму: мы видѣли, что если творчество и активность характеризуютъ интеллигенцію, то отсутствіе творчества и отсутствіе активности характерны для мѣщанства; поэтому и mutatis mutandis: разъ основными чертами мѣщанства являются узость, плоскость и безличность, то широта, глубина и яркая индивидуальность должны быть присущи интеллигенціи. Мы имѣемъ поэтому передъ собой и рѣзко поставленную проблему индивидуализма.

Что такое индивидуализмъ? Точное опредѣленіе терминологіи въ данномъ случаѣ еще болѣе необходимо, чѣмъ въ случаѣ съ мѣщанствомъ; а между тѣмъ понятіе это употребляется въ самыхъ разнообразныхъ и самыхъ противорѣчивыхъ смыслахъ. Не претендуя на примиреніе всѣхъ подобныхъ противорѣчій, мы только опредѣлимъ, какъ мы будемъ понимать „индивидуализмъ“.

Индивидуализмъ есть приматъ личности — вотъ самое широкое, общее опредѣленіе: индивидуализмъ есть признаніе человѣческой личности первой и главной цѣнностью, индивидуализмъ есть признаніе, что благо реальной человѣческой личности должно служить критеріемъ нашихъ поступковъ, нашего міровоззрѣнія. Каждое міровоззрѣніе неизбѣжно является или индивидуализмомъ или анти-индивидуализмомъ, въ зависимости отъ того, доминируетъ ли въ немъ человѣческая личность надъ другими его элементами, или человѣческая личность является подчиненной какому-нибудь иному элементу міровоззрѣнія. Или-или: tertium non datur. Однако было бы ошибкой полагать, что индивидуалистическое міровоззрѣніе характеризуется подавленіемъ всѣхъ другихъ элементовъ элементомъ личности: индивидуализмъ есть приматъ личности, въ его гармоническомъ сочетаніи со всѣми прочими элементами міровоззрѣнія, но никакъ не деспотическое подчиненіе всего другого человѣческой личности, какъ какому-то самодержавному идолу; индивидуализмъ — не идолопоклонство. Когда мы будемъ встрѣчаться съ такимъ идолопоклонствующимъ индивидуализмомъ, то будемъ обозначать его терминомъ ультра-индивидуализмъ; когда мы будемъ встрѣчаться съ подчиненіемъ и порабощеніемъ человѣческой личности кому бы то и чему бы то ни было, то будемъ говорить объ анти-индивидуализмѣ подобнаго воззрѣнія. Ограничимся однимъ общимъ примѣромъ. Міровоззрѣніе, признающее, что благо общества есть главный критерій нашей дѣятельности, что отдѣльная человѣческая личность есть только „палецъ отъ ноги“ общественнаго организма и не заслуживаетъ никакого вниманія, — міровоззрѣніе это является типичнымъ анти-индивидуализмомъ (напр. міровоззрѣніе Бѣлинскаго въ періодѣ гегельянства; міровоззрѣніе большинства шестидесятниковъ, а особенно исповѣдывавшихъ такъ называемую органическую теорію общества). Наоборотъ, міровоззрѣніе, считающее су-

щественнымъ только благо личности, міровоззрѣніе анти-общественное, признающее личность не только первымъ, но и самодовлѣющимъ элементомъ — это міровоззрѣніе можетъ служить яркимъ примѣромъ ультра-индивидуализма (таковымъ было міровоззрѣніе русскихъ фихтіанцевъ тридцатыхъ годовъ, отчасти воззрѣніе „декаденства“ конца XIX вѣка). Наконецъ, истиннымъ индивидуализмомъ будетъ то міровоззрѣніе, которое, ставя личность чрезвычайно „выше общества, выше человѣчества“, какъ это дѣлалъ Бѣлинскій къ концу жизни — въ то же самое время принимаетъ и признаетъ, что общество есть не ограниченіе, а, напротивъ, восполненіе человѣческой личности, что принятіе принципа примата личности не противорѣчитъ отрицанію самодовлѣющаго значенія личности (такимъ типично индивидуалистическимъ міровоззрѣніемъ было, напримѣръ, цѣльное и гармоничное міровоззрѣніе Михайловскаго). Отсюда между прочимъ ясно, что обычное противопоставленіе индивидуализма и соціализма не имѣетъ, согласно нашей терминологіи, ни малѣйшаго смысла, если только не понимать подъ соціализмомъ приматъ общества; однако общепринятое пониманіе соціализма совершенно иное и мы будемъ его держаться: соціализмъ, какъ міровоззрѣніе, отнюдь не противоположенъ индивидуализму, и „индивидуалистическій соціализмъ“ не есть contradictio in adjecto — соціализмъ есть только соціально-экономическая форма, этическое содержаніе которой можетъ составлять индивидуализмъ. Противопоставлять индивидуализму въ дальнѣйшемъ мы будемъ „общественность“, понимая подъ послѣдней принципъ примата общества.

Читатель вѣроятно уже замѣтилъ, что мы перешли отъ общаго случая къ частному случаю индивидуализма, а именно къ тому, что мы будемъ называть соціологическимъ индивидуализмомъ, т. е. тѣмъ индивидуализмомъ, которому противоположна общественность. Дѣло въ томъ, что индивидуализму вооб-

ще, индивидуализму, какъ примату личности, можно противопоставить что бы то ни было не раньше, чѣмъ поставленъ вопросъ — о какомъ приматѣ, о приматѣ надъ чѣмъ здѣсь идетъ рѣчь? Пока мы не поставили этого вопроса, мы могли говорить объ индивидуализмѣ, какъ о приматѣ личности вообще, объ этическомъ индивидуализмѣ, какъ мы его будемъ называть. Лучшая изъ возможныхъ формулъ этого индивидулизма была дана Кантомъ въ знаменитыхъ словахъ: человѣкъ есть цѣль въ себѣ самомъ (an sich) и ни въ коемъ случаѣ, никому и никогда не можетъ служить только средствомъ. „Человѣкъ — самоцѣль", такова эта сокращенная формула, которой мы будемъ пользоваться ниже; человѣкъ ни для кого и ни для чего не можетъ быть средствомъ и только средствомъ — таково это общее значенiе принимаемаго нами принципа примата личности; въ этомъ заключается содержанiе этическаго индивидуализма, въ этомъ — рѣшенiе индивидуализма, какъ этической проблемы.

Но очевидно, что индивидуализмъ въ то же время есть приматъ личности прежде всего надъ обществомъ; это приводитъ насъ къ индивидуализму какъ проблемѣ соцiологической, къ тому соцiологическому индивидуализму, о которомъ мы только-что говорили: три возможныхъ рѣшенiя этой проблемы были указаны нами выше. Взаимоотношенiе личности и общества — центральная проблема всякаго мiровоззрѣнiя, теодицея его; то или иное рѣшенiе этой проблемы будетъ служить намъ арiадниной нитью при изученiи исторiи русской интеллигенцiи, исторiи русскаго сознанiя.

Этимъ мы могли бы закончить выясненiе понятiя индивидуализма, если бы можно было пройти мимо одного общеупотребительнаго пониманiя индивидуализма, не какъ примата личности вообще, а какъ примата яркой личности. Это заставляетъ насъ коснуться понятiя „индивидуальности" и указать на связь его съ главной нашей темой.

Выше намъ приходилось неоднократно говорить о „человѣческой личности“, при чемъ мы старались обходить тѣ метафизическiе запросы, которые тѣсно связаны съ самымъ понятiемъ „личности“; прибавляя къ этому понятiю опредѣленiе, мы всюду говорили о „реальной личности“, подчеркивая тѣмъ, что въ дальнѣйшемъ будемъ понимать личность исключительно эмпирически.*) Но если въ этомъ случаѣ оказалось возможнымъ избѣжать загроможденiя центральнаго для насъ понятiя „личности“ вспомогательными философско-метафизическими построенiями, то на понятiи „индивидуальности“ намъ придется остановиться нѣсколько подробнѣе, чтобы выяснить нѣкоторыя недоразумѣнiя, связанныя съ этимъ понятiемъ.

Мы уже видѣли, что если основными чертами мѣщанства являются узость, плоскость и безличность, то дiаметрально противоположныя свойства должны характеризовать собой интеллигенцiю. Итакъ, яркая индивидуальность это conditio sine qua non анти-мѣщанства, и въ этомъ смыслѣ индивидуализмъ какъ приматъ яркой личности, противопоставляется этическому мѣщанству; но вотъ въ чемъ существенный вопросъ: совмѣстимы ли съ яркой индивидуальностью двѣ остальныя черты анти-мѣщанства — широта и глубина? Или — вѣрнѣе сказать: какой именно изъ этихъ двухъ чертъ главнымъ образомъ характеризу-

*) Авторъ не стоитъ на точкѣ зрѣнiя позитивизма, будучи сторонникомъ имманентной школы. Однако, въ предлагаемой работѣ идетъ рѣчь исключительно объ эмпирической личности. Вкратцѣ точка зрѣнiя автора такова: имманентная философiя неизбѣжно приводитъ къ солипсизму и даже болѣе того — къ признанiю, что „я“ есть только рядъ безсвязныхъ элементовъ сознанiя. Признанiе этого ряда элементовъ сознанiя за цѣльную „личность“ есть уже вполнѣ метафизическое построенiе; на метафизической почвѣ дѣлается и дальнѣйшiй шагъ — преодолѣнiе солипсизма, утвержденiе цѣльности и дѣйствительности „личностей“ вообще, и далѣе — признанiе „эмпирической личности“. Все это тѣ метафизическiе лѣса, которые необходимы при построенiи мiровоззрѣнiя, но которые нужно снять, чтобы увидѣть построенное зданiе.

ется индивидуальность? И ея характеристика двумя этими чертами одновременно не будетъ ли страдать непримиримымъ противорѣчіемъ?

Индивидуальность можетъ пониматься, во-первыхъ, какъ сумма всѣхъ типично-общечеловѣческихъ чертъ — въ этомъ случаѣ индивидуальность захватываетъ собою всю широту человѣческой личности; во-вторыхъ, индивидуальность можно понимать, какъ особую характерность нѣкоторыхъ чертъ личности, — въ этомъ случаѣ индивидуальность опредѣляется яркостью и глубиной человѣческой личности. На эти два возможныя пониманія индивидуальности впервые указалъ въ русской литературѣ Михайловскій, твердо и опредѣленно ставшій на первую точку зрѣнія и неоднократно подчеркивавшій ея полную несовмѣстность со второй. „Чаще всего подъ индивидуальностью разумѣютъ совокупность чертъ, рѣзко выдвигающихъ извѣстную личность изъ среды окружающихъ ее людей — заявлялъ Михайловскій въ одной изъ первыхъ своихъ статей, еще въ 1870 г.; индивидуальный значитъ здѣсь личный, особенный. Мы будемъ употреблять это выраженіе совершенно иначе, именно, будемъ разумѣть подъ индивидуальностью человѣка совокупность всѣхъ чертъ, свойственныхъ человѣческому организму вообще“... (Собр. соч., т. I, стр. 88—9). Годомъ позже Михайловскій усиленно доказывалъ несовмѣстность этихъ двухъ пониманій индивидуальности. „Индивидъ“, писалъ онъ — „есть сумма свойствъ данной ступени органическаго развитія, т. е. даннаго вида“... Идеалъ, къ которому долженъ стремиться человѣкъ, это — быть наиболѣе человѣкомъ, наиболѣе общимъ представителемъ вида homo sapiens; „всѣ способности, какія только имѣетъ человѣкъ, какъ извѣстная ступень органическаго развитія, должны быть соединены въ каждомъ изъ насъ, въ каждомъ представителѣ вида... Едва ли кто-нибудь станетъ оспаривать законность и величіе такого идеала; выше его мы, очевидно, ничего себѣ пред-

ставить не можемъ. Но очевидно также, что чѣмъ болѣе будемъ мы приближаться къ этому идеалу, тѣмъ болѣе будетъ исчезать разнообразіе нашихъ личныхъ положеній"... При этомъ, однако, умаляется и исчезаетъ индивидуальность, но индивидуальность уже въ другомъ смыслѣ, „въ смыслѣ личной особенности", въ смыслѣ такихъ свойствъ, какія есть у меня, но нѣтъ у моего сосѣда и наоборотъ. Понятно, что согласить два такихъ требованія индивидуальности невозможно"... (Собр. соч., т. I, стр. 269 — 270). Обѣ эти точки зрѣнія имѣютъ свой raison d'être — писалъ Михайловскій четверть вѣка спустя, — но разница между ними столь велика, что отвѣчать на вопросы, возникающіе на почвѣ первой, аргументами, почерпнутыми изъ района второй, не представляется никакой логической возможности"... („Русское Богатство, 1897 г. № 5). Глубина и широта человѣческой индивидуальности являются для Михайловскаго величинами обратно пропорціональными, чѣмъ и объясняется его глубочайшее убѣжденіе въ несовмѣстимости двухъ вышеприведенныхъ опредѣленій индивидуальности.

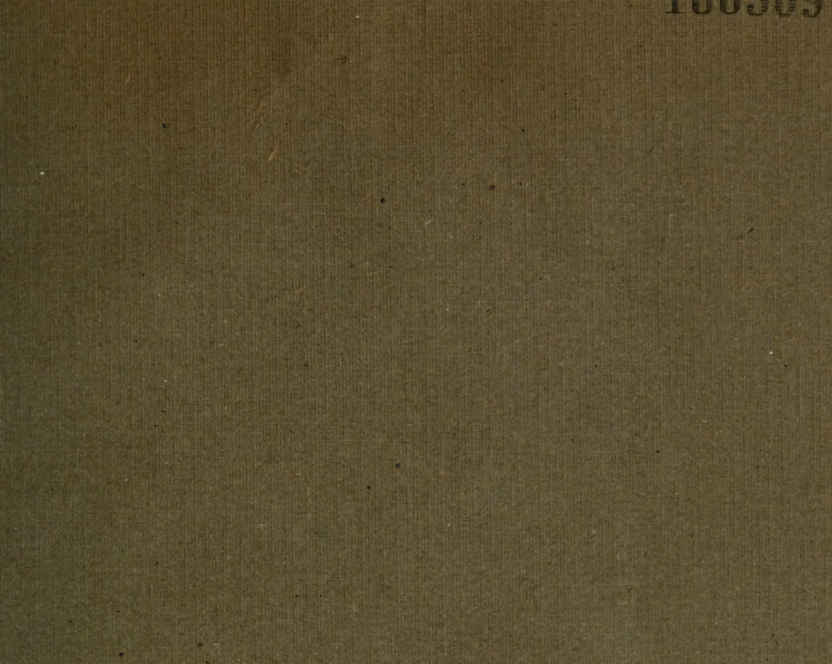
Это убѣжденіе составляетъ главную, центральную ошибку въ стройномъ и гармоничномъ міровоззрѣніи Михайловскаго; мы постараемся показать, что широта и глубина человѣческой личности вполнѣ совмѣстимы, что онѣ и могутъ, и должны находиться въ прямо пропорціональной связи. А если это такъ, то очевидно, что ни первое, ни второе въ отдѣльности изъ вышеприведенныхъ опредѣленій индивидуальности не можетъ быть принято нами; мы будемъ понимать подъ индивидуальностью сумму всѣхъ типично-общечеловѣческихъ чертъ, при неизбѣжной яркости и характерности нѣкоторыхъ изъ этихъ чертъ. Очевидно, что индивидуализмъ въ смыслѣ примата индивидуальности (въ только-что установленномъ смыслѣ) является діаметральной противоположностью мѣщанства, характеризуемаго безличіемъ, узостью и

плоскостью; очевидно, что „борьба съ мѣщанствомъ“, въ которой заключался процессъ развитія русской интеллигенціи, была въ то же время и „борьбой за индивидуальность“, борьбой за индивидуализмъ, въ смыслѣ примата яркой личности.

Резюмируемъ вкратцѣ. Индивидуализмъ въ самомъ общемъ своемъ значеніи есть приматъ личности; „человѣкъ — самоцѣль“, такова формула этого этическаго индивидуализма. (Л. Толстой и главнымъ образомъ Достоевскій были величайшими провозвѣстниками этого индивидуализма). Въ другомъ смыслѣ, въ смыслѣ примата индивидуальности, индивидуализмъ является противоположеніемъ мѣщанству, и борьба съ мѣщанствомъ равнозначна борьбѣ за индивидуальность (противопоставленіе индивидуализма и мѣщанства легло во главу угла міровоззрѣнія Герцена). Въ третьемъ смыслѣ индивидуализмъ, какъ приматъ личности надъ обществомъ, долженъ быть противопоставленъ „общественности“; въ этомъ случаѣ мы можемъ говорить о соціологическомъ индивидуализмѣ. (Проблема соціологическаго индивидуализма и сопоставленіе индивидуализма и общественности были центральнымъ пунктомъ міровоззрѣнія Михайловскаго).

Читателю теперь ясна наша точка зрѣнія. Мѣщанство было тѣмъ фономъ, на которомъ и въ борьбѣ съ которымъ шло впередъ развитіе русской интеллигенціи; эта борьба съ мѣщанствомъ велась во имя личности и во имя индивидуальности. Безпрерывно шла борьба за индивидуальность, за широту, глубину и яркость человѣческаго „я“; безпрерывно велась борьба за личность — борьба политическая противъ государства, борьба соціальная, классовая и борьба противъ „общественности“; наконецъ, безпрерывно шла борьба за человѣческую личность, какъ за цѣль, борьба противъ теорій и дѣйствій, основанныхъ на приписываніи личности значенія только средства.

Отто Эльснеръ, Берлинъ.

ОТТО ЭЛЬСНЕРЪ / БЕРЛИНЪ